

Работы Ф. Буслаева¹⁶⁹ и А. Н. Веселовского¹⁷⁰ выяснили ряд сходных мест повести и сказаний и установили общность некоторых мотивов. Однако, думается, что значение мотива пьянства в идее повести было несколько ими преувеличено (ср. «В непосредственной связи с разобранными сказаниями стоит главная идея стихотворной ... „Повести о Горе и Злочастии“»¹⁷¹). Но в разработке отдельных эпизодов повести и сказаний сходство несомненно. Позволим себе привести один пример такого сходства.

В «Притче о хмеле» читается похвальба Хмеля: «... аще учнет меня держатца которой гость или купец, всяк торговой человек, и аз сотворю его безумна и живот свой весь растерзает и пропьет и будет ходить во вечаной ризе и во изодранных сабозех и станет себе заимывать у которого господина, и ему никто не даст и (не) поверит, и не дадут, видя его пьянство, и род и племя от него отступятца».¹⁷²

Облик жертвы Хмеля, происходящей из торгового сословия, напоминает «доброго молодца» после его пробуждения в кабаке: «вечаной ризе» «Притчи» соответствует в Повести «гунька кабацкая», «изодранным» сапогам — «лапотки-отопочки»; сходно и то положение, в которое попали оба героя: «как станет себе заимывать ... и ему никто не даст и (не) поверит и не дадут» («Притча») — «не стало не друга, не подруга ... все дружи прочь отпираются!» (Повесть). Есть в этих отрывках и текстуальная близость: «род и племя от него отступятца» — «род и племя отчитаются».¹⁷³

Подобная близость отдельных произведений из цикла Сказаний о пьянстве и повести делает очень важным их текстологическое исследование, изучение истории текстов.

Сказания о пьянстве и хмеле имеют и самостоятельную художественную ценность. Их значение определяется своеобразным развитием литературных традиций. Вырастая из учительной литературы, сказания испытали воздействие устного творчества, может быть, на самой ранней стадии своего возникновения. И результатом своеобразного синтеза явился образ Хмеля, тяготеющий к «пьянственному бесу», с одной стороны, а с другой — к образу Горя-Злочастия (на что указывал еще А. Н. Веселовский¹⁷⁴). Двойственна и речь Хмеля: она поучение и похвальба одновременно.

Для изучения Сказаний о пьянстве и хмеле надо прежде всего четко разграничить тексты отдельных произведений (например, «Повести о высокоумном хмеле» и «Притчи о хмеле»), установить их соотношение и зависимость друг от друга (например, двух вышеуказанных сочинений и

¹⁶⁹ Ф. Буслаев. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, стр. 548—643.

¹⁷⁰ А. Н. Веселовский. 1) *Altslavische Kreuz- und Lebensagen*. — *Russische Revue* (*Monatsschrift für die Kunde Russlands*), 1878 Bd. XIII, стр. 144—149; 2) Памятники литературы повествовательной, стр. 474—480; 3) Разыскания в области русского духовного стиха. — *СОРЯС*, т. XLVI, № 6, СПб., 1889, стр. 249—260.

¹⁷¹ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 474.

¹⁷² Памятники старинной русской литературы, вып. 2, стр. 448. Сходная параллель из «Повести о высокоумном хмеле» приводится в статье В. Д. Кузьминой «Изучение русских повестей XVII века в VIII классе» (*Литература в школе*, 1939, № 5, стр. 46).

¹⁷³ «Повесть о Горе-Злочастии» цит. по: Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 3.

¹⁷⁴ A. Wesselofsky. *Altslavische Kreuz- und Lebensagen*, стр. 144—149; Разыскания в области русского духовного стиха, стр. 256.